

Российская академия наук
Институт экономики

П.А. Ореховский

СОЦИАЛИЗМ И ЛЕВАЯ УТОПИЯ
В XXI ВЕКЕ
(К. КРАУЧ, Т. ПИКЕТТИ, Н. СРНИЧЕК,
А. УИЛЬЯМС и др.)

Москва
Институт экономики РАН
2020

УДК3 30.83,330.8

ББК 65.02

П.А. Ореховский. Социализм и левая утопия в XXI веке (К. Крауч, Т. Пикетти, Н. Срничек, А. Уильямс и др.). Научный доклад. Препринт. — М.: Институт экономики РАН, 2020. — 50 с.

Социализм — а вместе с ним и вся система левых взглядов — представляет собой противоречивое и трудно определяемое понятие. В XXI в. в качестве конвенциональных критериев левых взглядов осталось только два общих требования — эгалитаризм и высокие государственные расходы на поддержку общественного сектора. В соответствии с этим в докладе рассматриваются работы, связанные с требованием к возвращению к концепции государства благосостояния и прогрессивному налогообложению. Отдельная глава посвящена баумолевской «болезни цен». Данная система взглядов объединяется с левыми в соответствии с представлением о провалах (фиаско) рынка и условием предоставления растущих субсидий секторам, подверженным «болезни цен». Приводится характеристика взглядов «посткапиталистов» в их пессимистическом (сетевое общество) и оптимистическом (конец рынка труда, переход к бесклассовому капиталистическому обществу) вариантах. Предпринята попытка оценить слабые и сильные стороны рассматриваемых концепций, а также вероятность реализации отдельных социалистических сценариев в будущем. Оценка осуществлялась с позиций возможности обеспечения условий будущего экономического роста. Критерий фальсификации по К. Попперу игнорировался как неинструментальный (неприменимый) к экономическим концепциям, где невозможно отделить «идеологические» предпосылки от «объективной» реальности. По мнению автора, без учета возможностей радикального перелома действующих тенденций для большинства современных национальных экономик сценарий социального регресса и перехода к негативному суверенитету представляется наиболее реальным.

Ключевые слова: социализм, идеология, кейнсианство, неолиберализм, государство благосостояния, сетевое общество, базовый безусловный доход, негативный суверенитет.

Классификация JEL: B41, B51, P16, P35.

Orekhovsky P.A. Socialism and the Left Utopia in the XXI Century (C. Crouch, T. Picketty, N. Srnichck, A. Williams and others). Scientific report. Preprint. — М.: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2020. — 50 p.

Socialism and the system of leftist views — is a contradictory and difficult to define concept. By the conventional criteria of left-wing views in the XXI century two requirements are egalitarianism and high government spending to support the public sector. In accordance with this, the report discusses works related to the requirement to return to the concept of a welfare state and progressive taxation. A separate section is devoted to the Baumol “price disease”. This system of belief is combined with the left in accordance with the concept of market failures and a demand for growing subsidies to sectors prone to “price illness”. In addition, the report presents the views of “post-capitalists” in their pessimistic (networked society) and optimistic (end of the labor market, transition to a classless capitalist society) versions. An attempt was defined to the strengths and weaknesses of the concepts under consideration, as well as the likelihood of the implementation of certain socialist scenarios in the future. The assessment was carried out from the standpoint of ensuring the conditions for future economic growth. The criterion of falsification according to K. Popper was ignored as not instrumental (inapplicable) to economic concepts, where it is impossible to separate the “ideological” premises from the “objective” reality. According to the author, without taking into account the possibilities of a radical change in current trends, for most modern national economies, the scenario of social regression and transition to negative sovereignty seems most real.

Keywords: socialism, ideology, Keynesianism, neoliberalism, welfare state, network society, basic unconditional income, negative sovereignty.

JEL Classification: B41, B51, P16, P35.

© Институт экономики РАН, 2020
© Ореховский П.А., 2020
© Валерий В.Е., дизайн, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Методологические замечания: вместо предисловия	6
Глава 2. Государство благосостояния и «новые левые»: К. Крауч... 12	
Глава 3. Идея прогрессивного налога: Т. Пикетти..... 20	
Глава 4. Баумолевская «болезнь цен»: левая идея для избранных? 25	
Глава 5. Посткапитализм — I. Сетевое общество..... 31	
Глава 6. Посткапитализм — II. Безусловный базовый доход	36
Глава 7. Вместо заключения: о негативном суверенитете (пессимистическая внеисторическая перспектива)	42
Литература.....	46

Социзм есть вымышленный строй общества, который сложился бы, если бы в обществе индивиды совершали поступки друг по отношению к другу исключительно по социальным законам, но который на самом деле невозможен в силу ложности исходных допущений. Как всякая внеисторическая нелепость, социзм имеет свою ошибочную теорию и неправильную практику, но что здесь есть теория и что есть практика, установить невозможно как теоретически, так и практически.

А. Зиновьев. «Зияющие высоты»

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ: ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ¹

О социализме писать сложно. Это предопределено самим дискурсом «прогресса» (Нисбет, 2011), который задает рамки обсуждения, где «капитализм» занимает место прошлого и настоящего, а «социализм» — будущего. Анализировать недостатки капитализма, т.е. политико-экономического устройства, которое сложилось «вчера» и «работает сегодня», — значит, оставаться в рамках *реальности*. Такая критика вполне респектабельна, она считается *научной*.

Напротив, заниматься анализом и критикой социализма — общественного устройства, которого нет, — значит, оказаться в сфере *идеологии*. И какую бы позицию не занимал автор — левую или правую, она уже заранее (якобы) предопределена его идеологическими предпочтениями и в силу этого может быть проигнорирована серьезными объективными учеными. Более того, такая критика представляет собой не что иное, как бодрийеровский симулякр — «копию», *не имеющую оригинала в реальности*. Это «знак», не имеющий под собой означаемого объекта и наполняемый тем или иным социальным содержанием субъектами, так или иначе использующими этот знак (Бодрийяр, 2003). Такие симулякры, в отличие от «нормальных копий», имеющих объект симуляции, которые рассматривала еще античная философия, создаются специально для манипуляции сознанием. А стало быть, с социализмом не стоит и связываться — все равно обманут.

1. Препринт (на правах рукописи). Отдельные разделы публиковались в работе (Ореховский, 2020).

Такое положение сложилось относительно недавно. Оно предопределено двумя факторами.

Во-первых, это результат неопределенности понятия. Еще полвека назад ни у кого не было сомнения, что социализм — *реально существующее* общественное устройство. Однако и тогда часть исследователей определяла его как «гидравлическое общество» (Wittfogel, 1957), основанное на рабском труде. Впоследствии к этому добавился азиатский способ производства с неразделенными властью-собственностью (Нуреев, Латов, 2016; Плискевич, 2008) — общественное устройство с относительно передовой техникой, но очевидно отстающими институтами (или, если угодно, «производственными отношениями»). Р.М. Нуреев, внимательно читавший Маркса, поясняет, что азиатский способ производства — переходный этап от первичной (основанной на общей собственности) формации к вторичной (сюда относятся и рабство, и крепостничество, и капитализм) (Нуреев, 2018). Другими словами, устройство еще не эксплуататорское, но недалеко ушедшее от «родово-племенного» (первобытного) общества. Еще позднее советский строй стали характеризовать как административный рынок и ресурсное государство (Кордонский, 2007), а заодно — как экономику раздатка (Бессонова, 2006): нечто такое, где рынка нет вообще, или он «испорчен государством», коррумпирован. В этом случае он выглядел как дурной мутант капитализма.

Если обратиться за трактовкой социализма к одному из его основоположников — В.И. Ленину, то находим у него определение этого строя как «государственно-капиталистической монополии, обращенной на пользу всего народа» (Ленин, 1967–1975. Т. 34. С. 192). Получается, что один из главных интерпретаторов марксизма понимал социализм как *определенную форму капитализма* («обращенную на благо народа»; правда, непонятно, кого Ленин считал «народом»). Другое знаменитое определение — «Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны», ставящее во главу угла определенную технологию получения энергии и парламентский тип власти, основанный на «негативном» типе социального ценза, исключающем выходцев из первого, второго, а частично, и третьего сословия — еще хуже.

Является ли Китайская Народная Республика социалистическим государством? Коммунистическая партия Китая полагает,

что да. Являются ли ФРГ и/или Королевство Швеция социалистическими странами? Правящие элиты последних стран считают, что нет. Применительно к теме настоящей работы проблемой является то, кого считать левыми – КПК или членов Христианско-социального союза? В ФРГ, например, действует закон, по которому работники с заработной платой в 2 раза ниже среднего уровня получают федеральные доплаты (*Саррацин*, 2013), наряду с прогрессивным налогообложением. В Китае этого нет, и дифференциация по доходам там значительно выше.

На мой взгляд, и капитализм, и социализм представляют собой разные формы одного и того же модернизационного процесса, а не «ступени общественно-экономических формаций». При этом социализм связан преимущественно с «догоняющей модернизацией». После достижения определенного уровня развития экономическая дифференциация этих форм во многом теряет смысл, хотя *политические* различия и их значение сохраняются. В рамках различных дискурсов термины «социалистический» и «капиталистический» используются как риторическая замена ругательствам, попытка же определить через эти термины современные формы хозяйствования приводит к путанице. Но *запутывание политических оппонентов*, как мне представляется, и является основной целью большинства дискуссий в XXI в., эпохе победившего постмодерна.

Во-вторых, это следствие применения в экономической теории критерия фальсификации К. Поппера, который якобы позволяет отличить научные концепции от ненаучных, в том числе религиозных и идеологических. Если в отношении какой-либо теории можно придумать ситуацию, в рамках которой она опровергается, то эта теория научна. Проблема в том, что *критерий фальсификации не выдерживает этого теста применительно к самому себе*. Так, если философская концепция, в рамках которой научным считается только то, что можно опровергнуть, является *неопровержимой* – она ненаучна. Если же она опровергается, то она, возможно, и научна, но неверна. Возникает ситуация «парадокса лжеца», который так любил сам К. Поппер.

Таким образом, критерий фальсификации, который во многом был придуман для различения «науки» и «идеологии» в общественных дисциплинах, включая экономику, по-моему, про-

сто неверен. Более того, с учетом наличия здесь такого механизма, как «самосбывающееся пророчество», он еще и вреден для научных занятий (напротив, как оружие для шельмования оппонента в качестве неуча-шарлатана его полезность трудно переоценить). Знаменитая теорема У. Томаса — «Если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны в своих последствиях» (*Мертон, 2006. С. 605*) — снимает вопрос о границах между социальной реальностью и представлениях о ней. О том же писал и У. Сэмюелс: «Дать определение реальности — значит внести вклад в ее реконструкцию. Определение реальности логически предполагает, что она существует, подобно тому как систематизация опыта означает, что таковой опыт существует...» (*Сэмюелс, 2015. С. 24*).

Полное разделение экономической науки и идеологии, на мой взгляд, невозможно². Но за этим скрывается совсем другая цель, зачастую нерелексивируемая исследователями — понятие «идеологическое» отождествляется с плохим, фальшивым, корыстным; напротив, понятие «научный» идентифицируется как хорошее, честное, благородное. Именно это произошло с социализмом — он стал *идеологией*.

Ради исторической справедливости нужно отметить, что в экономическую науку такой риторический прием привнесли именно левые, начиная с К. Маркса и его последователей. Определение концепций Т. Мальтуса, Н. Сениора, Ж.-Б. Сэя и многих других как «вульгарных», «буржуазных», «апологетических» теорий по сравнению с собственной «научной» стало впоследствии обычным для марксистов. Поэтому, когда Ф. фон Хайек впоследствии всем объяснил, что коллективизм неизбежно порождает тоталитаризм, а из социализма произрастает нацизм, так что все социалисты — враги свободы и демократии (*Хайек, 1992*), а К. Поппер нашел врагов открытого общества и гуманизма в Платоне, Гегеле и Марксе (*Поппер, 1992*), это был вполне симметричный идеологический

-
2. Такого же мнения придерживался и Й. Шумпетер: «Донаучный когнитивный акт, являющийся источником наших идеологий, служит также предварительным условием наших научных исследований. Никакое новшество в науке без него невозможно. Благодаря ему мы получаем новый материал для наших научных начинаний и то, что мы формулируем, защищаем, критикуем. Наш арсенал фактов и инструментов расширяется и обновляется в этом процессе. Так что, хотя идеологии замедляют наше продвижение вперед, без них мы бы вообще никуда не продвинулись» (*Шумпетер, 2012. С. 264*).

ответ левым. В результате всем уже давно должно было стать понятно, что любые экономические реформы, кроме неолиберальных³, представляют собой «путь к рабству». «Иного не дано», — как любили выражаться сторонники российских реформ в конце 1980-х гг.

Как ни странно, ни Хайек, ни Поппер, ни многие другие не переубедили экономистов, придерживающихся левых взглядов. Напротив, последними предпринимаются все новые попытки критики неолиберализма и разработки новых левых проектов. Несмотря на объявленный «конец истории», концепт социализма продолжает жить и в XXI в., самым фактом своего существования провоцируя вопросы, что же представляет собой вроде бы противостоящий ему (хотя бы риторически) капитализм и насколько он *реален*.

Задачами настоящей работы являются:

1) представление беглого (и неизбежно неполного и поверхностного) обзора левой критики капитализма и левых проектов, сохранивших свое значение и популярность до настоящего времени. Вместе с тем была осуществлена попытка оценки отличия «новых» и «старых» левых. Так, например, часть старого дискурса, включая требования устранения отчуждения и перехода к общественной собственности на средства производства, похоже, вообще перестала быть актуальной;

2) попытка оценить вероятность реализации проектов нового социализма (посткапитализма) и представить ее возможные последствия. Хотя об утопии невозможно судить в рамках показателей темпов роста ВВП, уровня заработной платы и цен, процентных ставок и валютных курсов, вопросы эффективности «социалистических реформ» необходимо обсуждать. Не так давно фантастикой казался рынок электрической энергии и/или трансплантации чело-

3. Учитывая, что термин неолиберализм в XXI в. также приобрел значение, синонимичное «мировому злу», стоит оговориться, что имеется в виду: 1) сокращение государственного сектора через его приватизацию; 2) развитие конкуренции и предпринимательства, в том числе через ликвидацию (там, где это возможно) естественных монополий; 3) балансирование бюджета и сокращение государственного долга; 4) приоритетное финансирование развития образования и здравоохранения и т.д. В этом отношении неоднократно критиковавшийся «Вашингтонский консенсус» Д. Уильямсона является вполне репрезентативным «неолиберальным манифестом». Следует также напомнить, что *при прочих равных условиях*, большинство экономистов положительно оценивают упомянутые мероприятия. Подробнее см. в: (Ананьин, Хаиткулов, Щербаков, 2010. С. 15–27).

веческих органов⁴. Естественно, что оценке подлежат только убедительность используемой риторики и незамечаемые «слепые пятна», которые неизбежно возникают при работе человеческой фантазии;

3) оценка «посткапиталистических» концепций. К левым (а тем более *социалистическим*) их можно отнести с большой натяжкой, пожалуй, только в связи с наличием общего критического отношения к нынешнему общественному устройству.

В последующих трех главах рассматривается тот или иной вариант кейнсианской традиции: возврат к «государству благосостояния», прогрессивное налогообложение и «социализм для избранных» – баумолевская «болезнь цен». В пятой и шестой главах – пессимистический и оптимистический варианты посткапиталистических взглядов на сетевую экономику. В заключительных замечаниях предлагается вариант пессимистической антиутопии, представляющей обобщение результатов социального конструирования.

4. Очень интересное обсуждение эффективности рынка органов и услуг по трансплантации представлено в: (Уинтер, 2019. Гл. 1. С. 37–52). Столь же убедительной риторики в пользу сохранения действующего порядка распределения «только по очереди» мне найти не удалось.

ГОСУДАРСТВО БЛАГОСОСТОЯНИЯ И «НОВЫЕ ЛЕВЫЕ»: К. КРАУЧ

Что объединяет современных социал-демократов? К. Крауч пишет: «К середине 1990-х гг. партии, которые ранее считались “левыми”, придумали ответ, который выразился в принятии многих положений неолиберализма, совмещенного с попыткой сохранить отдельные классические левоцентристские цели — значительные расходы на общественные услуги. Считалось, что они необходимы для компенсации возросшего экономического неравенства, ставшего результатом уступок неолиберализму. Этот процесс начался в США с “новых демократов” Билла Клинтона, распространился на Великобританию в виде “новых лейбористов”, в менее убедительном виде был заявлен в Германии как “die neue Mitte” (“новый центр”), а под общим брендом “третьего пути” был с большим или меньшим энтузиазмом принят демократическими партиями всей остальной Западной Европы и других стран. Многих людей эти изменения ошеломили: что же осталось от того, что они привыкли понимать под “левым”?» (Крауч, 2012. С. 240–241).

По-видимому, осталось только два конвенциональных признака социал-демократов — эгалитаризм и высокие государственные расходы на поддержку общественного сектора (стоит специально оговориться, что сюда не входят расходы на оборону и поддержку отдельных, включая так называемые приоритетные, секторов экономики). У Крауча эти признаки сливаются в один, однако их стоит все же разделить, поскольку прогрессивное налогообложение, позволяющее добиться большего равенства, представляет для многих социал-демократов ценность само по себе (см. следующую главу).

Что же, по мнению нынешних левых, в современном обществе подлежит *социализации*? Требования общественной собственности на средства производства, т.е. национализации физического капитала (у марксистов это, прежде всего, были крупные промышленные предприятия) практически не встречается в программах левых западных партий. При этом старые споры вокруг акционерной собственности 1930-х гг., связанные с «революцией менеджеров» (*Berle, Means, 1967*), тоже забыты. Акционерная собственность, по мнению нынешних левых, это — *не общественная* собственность, а государственные предприятия — неэффективны. При таком подходе снимается и проблема отчуждения, в том числе и в ее наиболее популярной в 1960-е гг. фрейд-марксистской форме, разработанной представителями Франкфуртской школы (*Джеффрис, 2018*). У левых остается «последний рубеж обороны» — общественные блага. По сути, только они подлежат социализации, и их *должно* производить государство. Среди этих благ не только привычные образование, здравоохранение, культура, но и «социальная защита», и «стабильность». Экономическая политика, обеспечивающая бескризисный экономический рост, — тоже общественное благо, которое *должно* производить государство. Кейнсианство постепенно заняло место марксизма в экономической идеологии левых.

Кейнсианство как доминирующее направление экономического мейнстрима потерпело теоретическое поражение в результате подъема теории рациональных ожиданий и «революции Лукаса» (*Де Фрей, 2019. С. 193–244*). Тем любопытнее выглядит критика неоллиберальной политики Краучем — он определяет ее как «приватизированное кейнсианство: долг вместо дисциплины» (*Крауч, 2012. С. 152*). Крауч считает, что «кейнсианская модель, управлявшая экономической политикой первые тридцать лет после Второй мировой войны, представляла собой временное совпадение интересов промышленного рабочего класса Северо-Запада как глобального региона и общего интереса политико-экономической системы... массовое потребление этого класса... могло вызвать беспрецедентный для истории экономический рост. Наконец, именно этот класс формировал политические партии, профсоюзы и другие организации, а также привлекал на свою сторону многих интеллектуалов с целью оформления и продвижения своих требований.

Кейнсианская модель, соединенная с массовым производством, стала тем ответом на эти требования, который примирил рабочих с капиталистической системой производства.

Противоположная группа неолиберальных идей, вышедших на передний план в 1970-х гг., ...также опиралась на определенный класс — класс финансовых капиталистов, географически базирующийся первоначально в США и Великобритании, но распространившийся по всему земному шару. Транснациональный характер этого класса оказался важным преимуществом...

...Если мир должен был выиграть от освобождения производительных сил и предпринимательства, которое принесет с собой распространение свободных рынков, то класс людей, занимающихся нерегулируемыми финансами, поддерживающими эти рынки, должен был получить особые прибыли...

...Ситуация осложнялась и другими моментами: кейнсианская модель сама выполняла как требование капиталистов, которым было необходимо устойчивое массовое потребление, так и стремление рабочих к стабильной жизни. В новых промышленных странах Южной Азии и Дальнего Востока это не было проблемой, поскольку экономики этих, как правило, недемократических стран зависели от экспорта и потребления местных богатых элит. Им не нужен был спрос среди собственного населения. Но в развитых странах это едва ли было возможно...

...два весьма различных фактора спасли неолиберальную модель от неустойчивости, которая в противном случае оказалась бы для нее роковой: это рост кредитных рынков, доступных для бедных и умеренно обеспеченных людей, и появление рынков деривативов и фьючерсов, на которых играли самые богатые. Эта комбинация породила модель “приватизированного кейнсианства”, которая, будучи поначалу случайным образованием, постепенно становилась важной составляющей государственной политики. Теперь уже не правительства брали в долг, чтобы стимулировать экономику, а индивиды и семьи, в том числе и наиболее бедные...

...Зависимость демократической капиталистической системы от роста зарплат, применяемое государством всеобщего благосостояния управление спросом, представлявшееся базой для массового потребительского доверия, — все это ушло в прошлое. Основой

процветания стала уже не социал-демократическая формула рабочих классов, поддерживаемых правительственным вмешательством, а консервативная неолиберальная формула банков, бирж и финансовых рынков. Простые люди сыграли свою роль — но не как рабочие, пытающиеся улучшить свое положение через профсоюзы, принятие законов, защищающие права наемных работников, и финансируемые государством схемы страхования, а в качестве должников, участников кредитных рынков...

...Как только приватизированное кейнсианство стало общезначимой экономической моделью, оно превратилось в странное коллективное благо, пусть и основанное на действиях частных лиц. Необходимым условием для него было своеобразное поведение банков, которое следует считать безответственным, поскольку оно предполагало отказ от важных практик проверки и учета; однако миллионы людей получали выгоду, покупая реальные товары и услуги за нереальные деньги, «произведенные» банками. Таким образом, *сама это безответственность стала коллективным благом* (курсив мой. — П.О.)» (Крауч, 2012. С. 170–178).

Это очень изящная защита: неолиберальная доктрина, включая и монетаризм, и рациональные ожидания, представляется здесь в качестве извращенного (приватизированного) кейнсианства, где место желаемой стабильности занимает безответственность — новое общественное благо. И в такой карикатурной политико-экономической модели западных стран многое представляется справедливым. Действительно, экономический рост Китая, Индии и стран Юго-Восточной Азии, как и ФРГ, и государств Северной Европы, реализовывался в рамках экспортно-ориентированной модели, условием которой было увеличение задолженности домохозяйств США и Великобритании. Стоит отметить, что такая же ситуация складывалась и внутри Европейского союза после введения евро — долги Греции, Испании, Португалии и Италии являются тому хорошим примером. На это указывает немецкий экономист левого толка Т. Саррацин (Саррацин, 2015).

На безответственность банков и «приватизированное кейнсианство» указывают многие левые критики, например, нобелевские лауреаты Дж. Стиглиц (Стиглиц, 2011, 2016) и П. Кругман (Кругман, 2009). Будущее в таком случае выглядит безрадостно —

повторение финансового кризиса 2008–2009 гг. становится неизбежным (безответственность!) — вместе с банкротством массы домохозяйств и нарастанием социальной напряженности. Заодно наступит и кризис сложившейся мировой структуры разделения труда с замедлением темпов мирового роста. И это тоже выглядит вполне правдоподобно (тут нельзя не отметить, что к аналогичному выводу, хотя и совсем с другой точки зрения, приходят и сторонники мир-системного анализа во главе с И. Валлерстайном).

Отсюда следует в целом очевидная рекомендация: нужно вернуть управление спросом под государственный контроль (социализировать), для чего левые должны получить политическую власть. Однако это кажется слишком простым — если управление спросом было так эффективно, почему же левые потеряли власть еще в конце 1970-х гг.? Да и позднее, когда к власти приходили «новые левые», о которых пишет К. Крауч, почему так и не произошло обратной «национализации кейнсианства»?

Для левых это отнюдь не праздный вопрос; напротив, во многом это — центральная проблема всего движения. П. Кругман следует, по сути, «теории заговора» (Кругман, 2004). В свою очередь, видный историк неолиберализма Д. Стедмен-Джоунз придерживается мнения об исторической случайности, сыгравшей решающую роль в победе «правых»: «А ведь все могло сложиться по-другому. Лидеры Лейбористской и Демократической партий в 1960–1970-х годах первыми начали применять ключевые неолиберальные идеи. Президент Джимми Картер, глава Федерального резерва Пол Волкер, министр финансов Денис Хили и премьер-министр Джеймс Каллаган в 1970-х годах переходили к другому роду макроэкономического управления. Их правительства выступали в поддержку различных форм дерегулирования. А эксперименты с привлечением частного сектора к участию в обеспечении жильем и городской реконструкции начались даже раньше, в 1960-х годах (в частности, в США при Кеннеди и Джонсоне). При других обстоятельствах лейбористы и демократы вполне могли бы вновь победить в конце 1970-х годов. Если бы Лейбористская партия вошла в 1980-е годы под руководством умеренного Дениса Хили или если бы не случилась Фолклендская война, лейбористы, возможно, получили бы поддержку избирателей на фоне глубокой рецессии, которую породила

экономическая стратегия консерваторов. И если бы второй нефтяной шок не случился перед иранским кризисом с заложниками, Джимми Картера, наверное, не стали бы несправедливо обвинять за «болезненное состояние» страны. Главные роли сыграли везение и историческая случайность» (*Стедмен—Джоунз*, 2017. С. 406).

Таким образом, левые могли сохранить власть, но «элементы неолиберализма» все равно были бы включены в экономическую политику. Как указывает Стедмен-Джоунз: «Картер поставил в повестку дня экономическое дерегулирование в сфере авиаперевозок, автоперевозок и некоторых сегментах сектора финансовых услуг» (там же. С. 310). В дальнейшем и в Великобритании, и в США уже наблюдался определенный поворот к монетаризму и усилению контроля за денежной массой. Поэтому даже в благоприятных для левых политических условиях вернуться к прежней политике «точной настройки» было бы невозможно. Несмотря на ностальгию левых по «золотым временам» экономического роста, повторение политико-экономических лозунгов 1960-х гг. в XXI в. обречено на провал.

Как ни странно, это понимает и сам К. Крауч. В своей небольшой работе «Постдемократия» он констатирует сдвиг власти от государства к транснациональным корпорациям, которые становятся главными политико-экономическими акторами современности. «Если экстраполировать тенденции последнего времени, то в качестве классической партии XXI века можно назвать организацию, состоящую из самовоспроизводящейся элиты, далекой от массовых движений, которые служат для нее базой, и в то же время уютно устроившейся среди нескольких корпораций, которые, в свою очередь, финансируют выдачу подрядов на проведение опросов общественного мнения, услуги политических советников и труды по привлечению избирателей в обмен на обещание партии в случае ее прихода к власти щедро вознаградить компании, стремящиеся к политическому влиянию» (*Крауч*, 2010. С. 98).

То же самое происходит и с прежними социальными классами — современному гражданину трудно идентифицировать себя (и свои интересы) с какой-либо социальной группой, что, в свою очередь, ставит вопрос о наличии прежнего «классового сознания». Характерно для дискурса постдемократии то, что «налицо

[имеется] несомненная трудность идентификации того или иного класса в качестве четко определенной социальной группы, если не брать в расчет все более самоуверенный класс акционеров и “руководителей”» (там же. С. 74). Как возникает «классовое сознание» у руководителей, как правило, находящихся между собой в остро конкурентных, а то и во враждебных, отношениях, Крауча не интересует, хотя последнее, по-моему, играет немалую роль в становлении режима «постдемократии». Однако не является ли исчезновение чувства социальной идентификации в современных массах обратной стороной производства нового общественного блага — безответственности? Тогда нечего удивляться тому, что в современных экономиках «приватизируются прибыли» и «социализируются» (перекладываются на государство) убытки» — это общая стратегия поведения не только ТНК, но и *всех индивидов и социальных групп*. Левая повестка в таком случае превращается всего лишь в одну из стратегий погони за рентой (об этом см. в гл. 4 настоящей работы), а отступление государства (сокращение общественного сектора) под тяжестью долгов становится закономерным и неизбежным процессом.

Как ни странно, впоследствии Крауч приходит к традиционным социал-демократическим лозунгам. Несмотря на то, что «сегодня мы все отчасти неолибералы», это, видимо, не мешает возвращению к нормальному «капитализму и государству всеобщего благосостояния» (Крауч, 2016). Прежние сомнения в «постдемократии» должны уступить «напористой социал-демократии». Это — обычное слепое пятно в рассуждениях экономистов и социологов левой ориентации. Нарратив «приватизированного кейнсианства», объясняющего не только успех неолиберальной политики, обеспечившей длительный экономический рост, но и финансовую нестабильность после 2008 г., и замедление мирового экономического развития, выглядит весьма убедительно в качестве интерпретативной модели. Однако он же задает риторические рамки нормативного заключения: если приватизация была плохой, значит, она должна быть заменена национализацией, что позволит вернуться к «золотому прошлому».

Такая общая (но не для отдельных групп!) стратегия левых представляется провальной как политически, так и экономически.

Политически она не может быть реализована в условиях постдемократии. Экономически возврат к «государству благосостояния» потребует наращивания государственных расходов, что резко увеличит финансовую нестабильность как внутри отдельных экономик, так и в Европейском союзе или зоне свободной торговли Северной Америки. И нельзя сказать, что социал-демократы это не понимают. Но сама структура критики неолиберализма формирует и видение будущего. Как уже отмечалось, даже в случае своей победы «новые левые» будут продолжать прежнюю неолиберальную политику, только с некоторыми корректировками. «Иного не дано», что тут поделаешь.

ИДЕЯ ПРОГРЕССИВНОГО НАЛОГА: Т. ПИКЕТТИ

Другой вариант левого эгалитаризма, как уже отмечалось выше, связан не с наращиванием государственных расходов, а с увеличением тяжести шкалы прогрессивного налогообложения. Наиболее убедительная аргументация этого, если рассматривать последнее десятилетие, представлена в известной работе Т. Пикетти (*Пикетти, 2016*). Критика современного капитализма в его работе основана на простых и интуитивно понятных широкой публике аргументах. Если все виды доходов, получаемых жителями богатых западных стран, разделить, как это делалось еще в известной макроэкономической производственной функции Кобба–Дугласа, на два типа — доходы труда и доходы капитала, то, при определенных посылках, доля первых станет снижаться, а доля вторых — увеличиваться (при других посылках — наоборот). Так, если норма доходности капитала выше, чем темпы прироста ВВП, то доля доходов капитала будет расти, а доля доходов труда — снижаться. К дополнительным условиям относятся низкие темпы роста населения (иначе доля вовлекаемого труда будет расти, и доля труда в ВВП увеличится), а также стабильная норма накопления (снижение нормы будет уменьшать объем капитала, он начнет постепенно выбывать вследствие износа, доля труда возрастет; повышение нормы накопления приведет к обратным результатам).

В 1930–1970-е гг. в экономиках развитых стран, по мнению Пикетти, действовали другие факторы, и доля доходов труда росла, а доля доходов капитала — снижалась. Этот период был, ско-

рее, исключением — на протяжении почти всего XIX в. доля доходов капитала сохранялась относительно стабильной, и карьера наемного работника, который по мере роста квалификации и компетенции превратился бы в капиталиста-предпринимателя, была редкостью. Уже в 1980-е гг. доля доходов капитала в ВВП снова начинает расти, и во втором десятилетии XXI в. структура доходов населения развитых стран возвращается на два века назад.

Впрочем, сами по себе сравнительно высокая доля доходов капитала и относительно низкая доля труда еще не противоречат требованиям эгалитаризма — наемные работники тоже могут иметь ценные бумаги и недвижимость, получать доходы от собственности, а «рантье» одновременно могут заниматься предпринимательством. Предпринимательский доход в таком случае относится к доходам труда (включая самозанятость, фермерство и т.д.). Поэтому Пикетти вводит дополнительное правдоподобное допущение — о возможности концентрации капитала в руках относительно немногих собственников. Вообще говоря, доходы от предпринимательства, гонорары людей свободных профессий, включая спортсменов и актеров, также имеют тенденцию к концентрации. Но это не опровергает основной вывод анализа Пикетти — социальная дифференциация, основанная на разности доходов, при соблюдении указанных выше условий, будет увеличиваться. Другими словами, если проявление низких ростов темпа населения, нормы накопления и доходности капитала, превышающей темпы экономического роста, будет наблюдаться в действительности, то все большее количество доходов и богатства окажется в руках немногих.

Выводы Пикетти выглядят вполне правдоподобно: как уже говорилось, высокие темпы экономического роста США и европейских стран, наблюдавшиеся во второй половине XIX и весь XX в., являются своеобразной аномалией, которая постепенно изживает себя. Большую часть второго тысячелетия для Западной Европы были характерны темпы 0,5–1% в год или меньше, в XXI в. происходит новое замедление (Мэддисон, 2012). Поэтому Пикетти приходит к выводу о необходимости прогрессивного налогообложения, что принципиально для сохранения среднего класса западного общества. В условиях идейной гегемонии неолиберализма это требование выглядит довольно-таки скандально, однако на самом деле это всего

лишь повторение старых социал-демократических лозунгов. По большому счету, новым у Пикетти является лишь распространение требования прогрессивного налогообложения на *все страны ОЭСР*, причем одновременно с *унификацией* налоговых систем.

В свою очередь, критика работы Пикетти свелась к двум позициям. Во-первых, оспаривались его статистические выкладки. Действительно, в статистике богатства, стоимости и доходности капитала в XIX и в первой половине XX в. по разным странам есть существенные пробелы, хотя нам не встречались работы, в которых бы предлагалась убедительная альтернатива. К тому же основной пафос работы Пикетти связан с его оценками капитала именно в XXI в. Во-вторых, Д. Макклоски в своей разгромной рецензии доказывает, что Пикетти не учитывает рост человеческого капитала, а потому и говорить не о чем: «“Пролетарии всех стран, соединяйтесь”: требуйте прогресса, проходящего проверку рынком в условиях режима частной собственности и производства прибыли. А еще лучше — сами становитесь буржуа, как это сделали большие группы рабочих в богатых странах, доля которых в США приближается к 100%, если определять ее по самоидентификации людей, относящих себя к среднему классу... Если рабочие оказались “обмануты”, принимая Буржуазную сделку, то тогда давайте встретим двукратным с половиной “ура” такой способ быть обманутыми — половинку “ура” вычтем в счет того, что в принципе недостойно быть чем-то “обманутым”» (Макклоски, 2016. С. 182). Другими словами, поскольку в США и других западных странах все работники обладают человеческим капиталом, постольку там уже давно построено бесклассовое общество капиталистов. И вся книжка Пикетти — чужь собачья.

Обсуждать эту критику, как и всю категорию «человеческий капитал», по моему мнению, бессмысленно. Как в России, так и во всем мире сохраняются контракты о найме, а работники получают заработную плату. Если бы неолибералы действительно строили *бесклассовое капиталистическое общество*, им следовало бы просто добиться запрета на наемный труд и перейти к инвестиционным договорам или договорам аренды человеческого капитала, а не пытаться объяснить, что временная заработная плата и процент (с человеческого капитала) одно и то же. Похожая ситуация

и с самоидентификацией людей, относящих себя к «среднему классу». Если для Макклоски это буржуа, то для Крауча — люди, потерявшие знание о своем месте в социальной структуре общества.

Человеческий капитал — один из центральных симулякров современной политэкономии капитализма, «копия без референта». Недаром введение его в научный оборот полностью размывает противоположность между социализмом и капитализмом. В этом случае становятся возможными коммунистическое общество, состоящее из капиталистов, и/или капиталистическое общество без наемного труда (см. гл. 6 настоящей работы). В таком случае идея прогрессивного налога становится абсурдом — с его помощью нельзя добиться большего равенства в обществе уже равных. Кроме того, если более высокая личная производительность подвергается еще более высокому налогообложению, это (в отличие от имущественного налогообложения) является фактором, дестимулирующим экономический рост. Поэтому советская плоская шкала налогообложения является вполне обоснованной для «бесклассового общества» — в СССР много говорили об «уравниловке» в политике оплаты труда, однако критика единой ставки подоходного налога отсутствовала.

Говоря об эгалитаризме левых, необходимо также отметить работу Э. Аткинсона (*Аткинсон, 2018*). Он рассматривает неравенство в более традиционном ключе (неравенство в доходах и богатстве само по себе не означает *такого же* неравенства в потреблении), не сводя все к двухфакторной модели. В борьбе с неравенством он предлагает пятнадцать мероприятий, включая и технологическую политику, поощряющую творчество работников, и политику в сфере конкуренции, и участие работников в прибылях, и всеобщее социальное обеспечение («детский доход»), и, конечно же, прогрессивное налогообложение и т.д. Это опять-таки возвращает нас к пафосу государства всеобщего благосостояния. Можно согласиться с тем, что осуществление данных мероприятий приведет к снижению неравенства. Но как это скажется на финансовом состоянии национальной экономики, а также на темпах экономического роста? Данный вопрос остается открытым.

В заключение отметим основную, по моему мнению, проблему, которая не позволяет (и не позволит) достичь консенсуса по вопросу о неравенстве в доходах и прогрессивном налогообложении.

Взгляды представителей классического кейнсианства на экономический рост основаны не на необходимости повышения предельной производительности факторов производства и соответствующего поощрения. Кейнсианство ориентировано на стимулирование спроса, исходя из той «аксиомы», что относительное равенство позволяет стимулировать совокупный спрос (у бедных и средних — выше предельная склонность к потреблению, чем у богатых; так называемый психологический закон Кейнса). Именно опережающий рост доходов бедных слоев в этой логике способствует росту; напротив, увеличение неравенства и опережающий рост доходов богатых приводит к стагнации спроса и замедлению роста. Неолиберализм и «приватизированное кейнсианство» предполагают, что неравенство или способствует росту, или, как минимум, с ним никак не связано. Например, в относительно недавней работе Н. Больца доказывается, что неравенство — основа процветания, и его рост лежит в основе социальной гармонии (Больц, 2019). При этом подходе неравенство является необходимым условием повышения предельной отдачи факторов производства. Недавний исторический опыт 1950–1970 гг. и 1985–2007 гг. демонстрирует противоречивые результаты, допускающие полностью противоположные интерпретации. Договориться не получится.

БАУМОЛЕВСКАЯ «БОЛЕЗНЬ ЦЕН»: ЛЕВАЯ ИДЕЯ ДЛЯ ИЗБРАННЫХ?

Баумолевская «болезнь цен», как ее определяет А.Я. Рубинштейн, «заключается в том, что в некоторых ситуациях издержки производства растут быстрее, чем цены на конечный продукт. Следствием “болезни цен” является невозможность рыночной окупаемости отдельных видов организаций культуры, что, собственно, и формирует мотивацию общественной опеки культурных благ» (Рубинштейн, 2018. С. 55). Или, как указывали У. Баумоль и У. Боуэн, «количество труда, предназначенное для производства данного уровня продукции, постоянно во времени и фактически не зависит от новаторства и концентрации капитала» (там же. С. 55–56). Далее сторонники этой концепции, как правило, развивают ее в двух направлениях. В теоретическом – «болезнь цен» распространяется на сферы здравоохранения, образования, науки; в практическом – приводятся многочисленные доказательства того, что издержки на производство единицы соответствующего блага становятся выше, чем в среднем по экономике, что приводит к опережающему росту цен на такие блага (характерный график приведен в работе (Рубинштейн, 2018. С. 67)): рост цен на билеты в российских театрах и концертных организациях в разы опережает индекс потребительских цен). В свою очередь, рост цен приводит к уменьшению спроса, которое влечет за собой сокращение производства и отток занятых в другие отрасли (и/или страны). Образование и здравоохранение напрямую, а культура и наука – косвенно влияют на объем и качество человеческого капитала в национальной экономике.

Отсюда следует вполне респектабельный даже в рамках *правого дискурса* вывод о том, что эти сферы нуждаются в финансовой поддержке. Дотации и субсидии, выделяемые этому сектору, принесут впоследствии доходы другим секторам экономики.

Ссылка на мультипликативный эффект и социальную значимость того или иного вида деятельности (продукции, услуг) — обычный риторический аргумент при лоббировании интересов тех или иных социальных групп; будь то исследования космоса или развитие атомной энергетики, поддержка сельского хозяйства или банковской системы. Практика «погони за рентой» при этом становится вполне уважаемым занятием. Но концепция баумолевской «болезни цен» вдобавок к социальной значимости предполагает неустрашимый изъём рынка, легитимируя вмешательство государства, а это уже признак *левого дискурса*.

Любопытно, что для доказательства существования «болезни цен» в неявной форме используется марксистское обоснование отношения между стоимостью и ценой. Идея Баумоля — Боуэна проста: если исполнение некоторого музыкального произведения (театральной постановки, концерта)⁵ требует определенного фиксированного времени труда (трудовой стоимости), которое невозможно сократить, то *увеличение производительности, понимаемое как сокращение времени изготовления единицы блага*, становится невозможным «по определению». А поскольку в других отраслях экономики такое сокращение имеет место, то стоимость единицы блага культуры становится выше, чем «в среднем по экономике». И это приводит к повышению цен в сфере культуры. Таким образом, оказывается, что «баумолевская экономика» представляет собой отдельный раздел экономической теории, где цена определяется издержками, а не спросом на товар /услугу⁶.

В свою очередь, если вернуться к неоклассике и понятию предельной полезности, ситуация меняется. Предельная полезность

-
5. Характерно, что сторонники баумолевской концепции не распространяют ее на спортивные состязания, хотя длительность футбольных и хоккейных матчей остается неизменной (а иногда и продлевается за счет дополнительного времени, назначаемого судьей). Легко заметить, что если боксер побеждает соперника в третьем раунде нокаутом вместо проведения пятнадцати полноценных назначенных раундов, имеет место единичное пятикратное увеличение производительности.
 6. Очевидно, что ни сам У. Баумоль, ни сторонники «болезни цен» категорически не согласились бы с неприятным для них марксистским родством.

«культурных благ» непостоянна, более того, часть этих благ время от времени обесценивается и выходит из обращения. Как пишет историк-марксист Э. Хобсбаум: «Классическая музыка в основном держится на мертвом репертуаре. Из шестидесяти с чем-то опер, поставленных в Венской государственной опере в сезоне 1996–1997 гг., только одна принадлежала композитору, родившемуся в XX в., в концертном зале дела обстоят не сильно лучше. Вдобавок потенциальная аудитория концертов, которая даже в городах — миллионниках составляет в лучшем случае около двадцати тысяч пожилых людей, не возобновляется... И это не может продолжаться бесконечно долго. В самом деле, если репертуар не обновляется, даже гигантская новая аудитория косвенных слушателей музыки не сможет спасти бизнес, построенный на классической музыке...

Определенная усталость сегодня заметна и в коммерческом секторе массовой музыки, на протяжении XX в. демонстрировавшем живость, динамичность и изобретательность.

Только одно наблюдение. В июле, например, опрос рок-фанатов и экспертов показал, что почти вся сотня “лучших рок-записей всех времен” родом из 60-х, а из более позднего времени нет почти ничего...

...Скульптура влачит жалкое существование на обочине культуры, будучи лишена в этом столетии (и в публичной, и в частной сфере) функции фиксации реальности или какого-либо рукотворного символизма. Достаточно сравнить сегодняшнее кладбище и кладбище XIX в., уставленное монументами...» (Хобсбаум, 2017. С. 33–34).

Строго говоря, аргумент о невозможности повышения производительности труда в сфере исполнительских искусств имеет такое же отношение к ценам на блага культуры, как и невозможность увеличения производительности труда официанта к ценам на блюда в ресторане. Хобсбаум справедливо отмечает: «В начале XXI столетия в игре в “культуру” участвуют два игрока: политика и рынок. Они определяют, как будут финансироваться культурные товары и услуги — главным образом рынком или с помощью субсидий. Политика выступает очевидным источником (или запретителем) субсидий. Но есть и третий игрок, который решает, что может, должно или не должно производиться. Назовем его (или это) “меха-

низмом морали” в обоих смыслах, негативном (как то, что определяет и ограничивает недозволенное) и позитивном (как то, что навязывает желаемое). Это по сути вопрос политики (то есть политической воли). Потому что рынок определяет лишь, что сможет заработать, а что нет, но ни в коей мере не решает, что можно продавать, а что нельзя» (там же. С. 66). Именно в этом состоит «провал рынка» в данной сфере. Использование аргумента о «болезни цен» состоит в том, чтобы убрать из дискуссий этот «механизм морали», представляя дело так, что сферы культуры, образования, здравоохранения, науки являются *ценностно (идеологически) нейтральными*. Заодно они являются «планово-убыточными», а потому *должны субсидироваться независимо от того, какие блага они производят*.

Таким образом, признание «объективности» баумолевской «болезни цен» фактически означает формирование рынка производителя с его игнорированием предпочтений потребителя, стандартов качества, созданием искусственного дефицита и т.д. Это — левая идея для избранных. В условиях доминирования частной собственности и сохраняющейся свободы слова такой рынок неизбежно ведет к росту скандалов и социальной напряженности вокруг производства таких благ, что опять-таки является характерным признаком «революционного левого стиля».

Следует специально оговориться, что отрицание концепции Баумоля — Боуэна *не означает* того, что я выступаю за отмену субсидирования соответствующих сфер. Я только указываю на противоречивость как самой концепции, так и ее последствий для экономической политики. Так, например, если с тех же позиций рассматривать сферу образования, то «продукт», предлагавшийся российскими частными вузами, вполне отвечал требованиям потребителей, которые его покупали. Введение запрета на выдачу «диплома государственного образца» для многих из таких организаций стало равносильно их ликвидации, поскольку при приеме на должности, начиная с определенного уровня иерархии, требуется именно государственный диплом. Причем эти требования предъявляют кадровые службы вне зависимости от формы собственности предприятия. С точки зрения экономического анализа рассматриваемый случай представляет собой типичный пример нечестной конкуренции, обеспечившей преимущества государственным

вузам. Но «моральный механизм», к которому апеллируют, среди прочих, первые лица государства, говоря об «избытке юристов и экономистов»⁷, здесь успешно работает. Если бы нечто подобное — конечно же, *в целях повышения культурного уровня населения* — правительство осуществило в сфере культуры, оно вряд ли бы получило поддержку. Полагаю, если с помощью соответствующих нормативных актов сократить количество концертов эстрадных исполнителей, а взамен предложить публике прослушивание произведений классиков, реакция как потребителей, так и производителей благ культуры была бы весьма бурной.

Прелесть баумолевской концепции состоит в том, что с ее помощью можно обосновать необходимость высокого, практически неограниченного уровня субсидий. Если в качестве причины, влекущей за собой изменение издержек, являются столь неопределенные понятия, как «культурное благо», «образовательная услуга», «научное открытие» (статья в журнале?) или «здоровье нации», то для увеличения производства всех этих замечательных вещей естественным пределом является только сам бюджет государства. Чем-то это напоминает такие блага, как «оборонеспособность» и «общественная безопасность», но эти сферы еще ждут своего У. Баумоля. Наличие же «болезни цен» в этих сферах видно даже невооруженным взглядом⁸.

В целом, конечно, это все та же старая идеология «государства благосостояния». Однако риторика «болезни цен» и «человеческого капитала» намного более приемлема для правых, чем, например, аргументация сторонников «точной настройки». Соглашаясь с необходимостью субсидий, правые требуют введения квазирыноч-

-
7. Число технических вузов (как и набор на технические специальности) в России не сокращалось по сравнению с советскими временами, поэтому формально количество инженеров увеличивалось весь постсоветский период. То обстоятельство, что машиностроители, атомщики, химики и пр. после окончания вузов массово шли (и идут) работать «юристами и экономистами» — обычное «слепое пятно» общественных дискуссий (о качестве и количестве советских инженеров теперь тоже не принято вспоминать). Тем не менее это — хороший пример социальной демагогии: «экономисты и юристы» ассоциируются с «капитализмом», в то время как «технари» — с внезапно просветевшим «советским прошлым».
 8. Выражая оборонеспособность в часах службы военнослужащих, легко заметить, что увеличение производительности в виде сокращения этой «трудовой стоимости» невозможно. А цены на «оборонеспособность», включая цены на военную технику и содержание военных, опережают цены «в среднем по экономике».

ных механизмов в общественном секторе: ключевых показателей эффективности, торгов и конкурсов, рейтингов и т.д. Так среди «социализма для избранных» возникает свой «капитализм для избранных»: воспитание и/или выращивание «национальных чемпионов» *внутри общественного сектора*⁹. Тем не менее какой-либо значимой альтернативы существующей неолиберальной экономической модели баумолевская концепция не предлагает, напротив, она представляет интерес потому, что демонстрирует реальную конвергенцию двух разных систем взглядов (а заодно и способов описания рыночной экономики).

9. Особенностью данного сектора, в отличие от частного, является равный доступ (и, соответственно, *одинаковое качество*) общественных благ для потребителей. Однако если потребители *имеют неравный доступ* к образованию, здравоохранению, культуре, то *почему они должны иметь равный доступ к судебной системе?*

ПОСТКАПИТАЛИЗМ – I. СЕТЕВОЕ ОБЩЕСТВО

Если социал-демократический дискурс представляет собой что-то относительно единое (по умолчанию предполагается, что социал-демократы выражают интересы бедных и среднего класса, предлагая избирателям кейнсианскую экономическую политику), то посткапиталистские дискурсы намного более разнообразны. В основании посткапиталистической критики существующих политико-экономических режимов находятся различные (и разнородные) феномены – от сдвигов в социальной структуре до перехода к цифровой экономике. По-видимому, за каким-то из этих новых дискурсов стоит будущее. Но сейчас невозможно предсказать, какой из них станет авторитетным и сменит традиционный социал-демократический способ критики и выработки общего проекта. В этой главе мы остановимся на относительно пессимистическом способе описания и критики сетевой экономики; в следующей – напротив, на относительно оптимистическом варианте интерпретации наблюдаемых феноменов.

По-моему, наиболее важной работой в этом дискурсе является «Новый дух капитализма» – совместная работа Л. Болтански и Э. Кьяпелло (*Болтански, Кьяпелло, 2011*)¹⁰. Авторы противопоставляют «сетевое общество» XXI в. капитализму «свободной

10. Более ранняя работа М. Кастельса является скорее описательной, чем аналитической. В то же время следует отдать ей должное – это было пионерное введение в новую социальную реальность. См.: (*Кастельс, 2000*).

конкуренции» (XIX в. – вплоть до начала Первой мировой войны) и «фордизму» (1920-е – 1980-е гг.). Легко заметить, что «новый дух» появляется вместе с победой неолиберализма, однако в данной работе практически не уделяется внимания ни «приватизированному кейнсианству», ни макроэкономической политике в целом. Внимание Болтански и Кьяпелло сосредоточено на микроуровне и институтах.

Авторы показывают, что на место прежней «фирмы» – юридического лица, обладающего обособленным имуществом (активами и пассивами, отражаемыми в балансе), ведущего коммерческую деятельность, направленную на извлечение прибыли, приходит «проект». Фирма может существовать вечно, проект обязательно имеет начало и конец. У первой есть свои организационные границы, она обладает правами собственности, у второго же – координаторы (Болтански и Кьяпелло называют их модераторами), права собственности «размыты». Фирма обладает иерархией и функционирует в рыночной среде. Проекты имеют сетевую структуру, обладают центром и периферией и осуществляются в сетевой среде. Проекты с «открытой архитектурой», в принципе, допускают неограниченное количество участников.

Между центром (ядром) проекта, где оперируют координаторы, и периферийными участниками осуществляются как рыночные, так и нерыночные трансакции, но в любом случае «центр» эксплуатирует «периферию». Другими словами, между «модераторами» и периферийными участниками происходит неэквивалентный обмен. Он основан, по мнению Болтански и Кьяпелло, на разнице в мобильности. Координаторы в центре высококомобильны, включены в множество коммуникаций; периферийные участники «привязаны к своему месту» в сети. Ситуация, когда субъект оказывается исключен из коммуникации, может привести и к его «социальному исчезновению», он может стать «прекариатом» (*Стэндинг*, 2014).

Модераторы могут как создавать, так и не создавать юридические лица – это вопрос целей и средств, с помощью которых осуществляется проект. Например, если целью проекта является создание атмосферы ажиотажа вокруг какого-либо нового продукта и/или услуги, модераторы используют обычную контрактную

систему. Очевидно, что целый ряд условий, предъявляемых в таком случае участникам проекта, носит неформальный характер. Но если транснациональная корпорация прибегает к аутсорсингу, то используются обычные контракты, заключаемые между юридическими лицами.

Переход к проектам, реализуемым в сетевой среде, резко ослабляет позиции профсоюзов, а заодно повышает ценность информации. Предприниматели и фирмы, работающие на условиях аутсорсинга, вынуждены быть гибкими; уровень загрузки их мощностей может изменяться от нуля до работы сверхурочно. Здесь не остается места для традиционных социальных гарантий. На периферию, где осуществляется производство и находятся специализированные активы (в том числе пресловутый человеческий капитал), выносятся все риски. В отсутствие альтернативы периферийные участники проекта вынуждены соглашаться на те цены, которые им предлагает центр (проблема иммобильности). Напротив, модераторы, которые находятся в центре, часто включены сразу в несколько проектов и могут манипулировать доступной ими информацией и ресурсами.

Таким образом, все зависит от места в сети. Малая фирма (или отдельный предприниматель), находящаяся в центре, может иметь глобальный рынок сбыта. Напротив, периферийная фирма, вне зависимости от размера, работает на локальном рынке и полностью зависит от тех условий, которые ей предлагают глобальные игроки. Размер фирмы, рассматриваемый сам по себе, в «новом капитализме» перестает иметь решающее значение.

Ситуация, когда включенность индивида в социальные коммуникации, его возможность организовывать различные «команды» и реализовывать свои идеи оказывается важнее, чем индустриальное производство, привела к возникновению «креативного класса». Р. Флорида, характеризуя этих новых людей современности, специально оговаривает, что они не являются членами иерархии, будь то менеджеры или работники по найму (Флорида, 2011). Раньше таких индивидов называли людьми «свободных профессий». Наверное, по уровню доходов их можно отнести к «среднему классу». В то же время их нельзя назвать ни менеджерами, ни «высококвалифицированными работниками». Это, скорее, «предприниматели»,

отличающиеся большим разнообразием стандартов как в характере работы, так и потребительских предпочтений. Они создают проекты и извлекают доход. Можно ли назвать их капиталистами? Вряд ли, как правило, они не являются владельцами фирм, хотя могут обладать достаточно большим личным имуществом. Сети, в которые они включены, обладают определенной архитектурой, что позволяет говорить об иерархии. Но в то же время участники проектов, как правило, связаны горизонтальными отношениями взаимной заинтересованности, здесь редко встречаются пары «начальник – подчиненный». Это уже больше похоже на рынок. Другими словами, в сетевом обществе наблюдается *диффузия власти*.

То же самое, как показывает М. Наим, характерно и для *политики*: «С 1940-х годов число независимых государств выросло в четыре раза. Более того, теперь они соперничают, враждуют или сотрудничают не только друг с другом, но и со всевозможными транснациональными и негосударственными организациями. Появлению Южного Судана (а это произошло в 2011 году), ..., активно способствовали десятки неправительственных организаций, в особенности группы евангельских христиан, такие как “Мошна самаритянина” под руководством Фрэнклина Грэма...

Если государство в наши дни вступает в войну, то военная мощь играет куда меньшую роль, нежели раньше... Согласно исследованию, проведенному учеными Гарвардского университета, в асимметричных войнах с 1800 по 1849 год слабая (в плане численности войск и вооружения) сторона достигала стратегических целей в 12% случаев. В тех же войнах, которые *происходили в период между 1950 и 1998 годами, слабые побеждали чаще – в 55% случаев*» (Наим, 2016. С. 21–22).

Дискурс « сетевого общества », несмотря на содержащуюся в нем критику происходящей трансформации экономики, нельзя напрямую отнести к левым. В нем достаточно убедительно характеризуются причины упадка профсоюзов, резкого роста малого бизнеса и « самозанятых », связанных с этим фискальных проблем. Но при определенных условиях все это можно рассматривать как апологию неолиберализма – распад старых структур, « отступление государства », рост социальной дифференциации одновременно способствуют росту производительности, внедрению различных

инноваций (не только технологических, но и социальных). Сетевое общество выглядит по сравнению с индустриальным намного более *нестабильным и опасным*. Положение отдельного экономического индивида в нем характеризуется и большей свободой (превалируют слабые связи), и большей ответственностью. Если согласиться с предлагаемым видением, то становится понятно, что неолиберальная политика здесь хоть как-то способствует экономическому росту¹¹, в то время как возврат к традиционному кейнсианству и мечты об утраченном государстве благосостояния просто неадекватны новой сетевой реальности.

11. Сетевые взаимодействия предполагают неоднородность как взаимодействующих агентов, так и ресурсов. Сеть, в отличие от рынка, включает в себя и горизонтальные (рынок), и иерархические (бюрократия) взаимосвязи. Такая экономика гораздо ближе к многоуровневой модели Ю.В. Яременко (Яременко, 1981), чем к индустриальному обществу Дж.К. Гэлбрейта (Гэлбрейт, 2004). Ликвидация различных институциональных «перегородок» между рынками – политика, которая обычно ассоциируется с неолиберальным курсом, – способствует структурной перестройке экономики. Последнее – основной механизм роста, по Яременко. Напротив, сохранение регулирования и «легальных картелей», что обычно лежит в основе кейнсианского дискурса, ведет к развитию институционального склероза по Олсону (Олсон, 2013). Однако обсуждение этих дискуссий выходит за пределы темы данного доклада.

ПОСТКАПИТАЛИЗМ – II. БЕЗУСЛОВНЫЙ БАЗОВЫЙ ДОХОД

Характеристику оптимистического видения посткапитализма стоит начать с небольшой популярной книги Т. Пирсона «Конец работы. Куда исчезнут офисы и как подготовиться к изменениям» (Пирсон, 2019). Ее нарратив прост: «Есть три основные причины полагать, что мы находимся на пике количества рабочих мест и приближаемся к их концу:

1. Резкое повышение коммуникационных технологий и улучшение глобальных образовательных стандартов за последнее десятилетие означают, что компании могут нанимать кого угодно и где угодно. Работа все чаще перемещается в Азию, Южную Америку и Восточную Европу.

2. В настоящее время мы в значительной степени смирились с тем, что машины – на уровне аппаратного и программного обеспечения – заняли прежние рабочие места «синих воротничков», но теперь они все чаще берут на себя функции «белых воротничков» – работу на основе знаний.

3. Традиционные университетские степени бакалавра, магистра и доктора стали встречаться на каждом шагу, что сделало их менее ценными, чем когда-либо» (там же. С. 21).

Наиболее любопытным является п. 3 – об относительном избытке человеческого капитала. Пирсон много об этом пишет. Приведем его «статистический» аргумент: «Количество выпускников колледжей во всем мире выросло от 90 млн до 130 млн за период с 2000 по 2010 г. Нам потребовалась вся человеческая история, чтобы добраться до 90 млн, а затем только десять лет, чтобы добавить еще 40 млн...

...Более половины недавних выпускников американских колледжей являются безработными или выполняют работу, которая не требует наличия степени бакалавра. В 2014 г. общий уровень занятости выпускников юридических колледжей падал шестой год подряд. Это означает, что знания уже не являются тем дефицитным ресурсом, каким они были сто лет назад.

Тем не менее креденциализм, система измерения ценности знаний, продолжает резко расти. Количество выпускников колледжей неуклонно увеличивается с 1940-х гг. и не показывает признаков замедления.

Вот мысленный эксперимент. Посмотрите на свое местное сообщество и спросите себя: что из этого будет создавать больше роста?

В десять раз больше капитала? Никогда капитал не был столь легкодоступным, как в наши дни.

Что означает примерно в десять раз больше знаний – в виде выпускников колледжа, или юристов, или врачей, или обладателей MBA? Будет ли это создавать рост? Сейчас мы находимся в середине этого эксперимента, и, похоже, он не окупается.

Что, если в примерно десять раз вырастет предпринимательство?» (там же. С. 69–70).

Его «историческо-институциональная» аргументация представлена в следующей таблице.

Экономика	Первый*	Второй*	Третий*	Четвертый*
Период	1300–1700	1700–1900	1900–2000	2000–...
Что ограничивает прогресс	Земля	Капитал	Знания	Предпринимательство работников
Тип экономики	Аграрная	Промышленная	Информационная	Предпринимательская
Интеллектуальная революция	Возрождение	Просвещение	Прагматизм	Системное мышление
Крупные социальные достижения	Национальные государства	Банки	Корпорации	Самость
Социальная революция	Религия	Политика	Финансы	Бизнес

* Так Пирсон выделяет периоды, где экономическое развитие лимитируют разные факторы.
Источник: (Пирсон, 2019).

В гл. 3 уже говорилось о бесклассовом капиталистическом обществе. Пирсон пишет о «конце рабочих мест» как о банальности, полагая неизбежным сокращение в США наемного труда. В этом случае перехода к другим формам организации и функционирования фирм не миновать.

Следует также обратить внимание на то, что сокращение удельного веса наемного труда в США одновременно означает увеличение этого труда в относительно бедных, развивающихся странах. В дальнейшем – по мере развития и проникновения новых технологий в страны с низким и средним уровнем дохода – весьма вероятно, что сфера наемного труда будет сокращаться и там, хотя сам Пирсон не заходит в своих прогнозах так далеко.

Принципиальным здесь является то, что речь не идет о «безработице по Марксу», появлении «резервной армии труда» и т.д., хотя его риторика, основанная на «узком месте», ограничивающем экономический рост, вполне традиционна. Причиной безработицы, по Марксу, является дефицит капитала, у Пирсона ограничивающим фактором служит предпринимательская способность. А поскольку последней располагает от природы едва ли не каждый индивид, постольку никакой «технологической безработицы» не предполагается. Напротив, избавление от наемного труда ведет к расцвету свободы и творчества, распоряжению временем жизни по своему собственному усмотрению. Характерный пример Пирсона (таких «случаев из жизни» в его книге много): «Дэн Эндрюс страстно любил читать книги и изучать интересные идеи. Окончив школу, он столкнулся с выбором между занятием бизнесом и возможностью отправиться в академические круги, став доктором философии. Имея такой выбор, большинство людей посоветовали бы ему получить докторскую степень.

Давайте посмотрим на реалии этих двух путей. Хороший сценарий для доктора философии предполагает потратить от семи до десяти лет на получение степени. Поскольку академическое поприще стало настолько конкурентным, Дэн считал бы себя счастливым, закончив работой на постоянной ставке в университете среднего класса. Если бы ему удалось занять постоянную ставку, он тратил бы 20 часов в неделю в учебных классах, 20 часов в неделю на проверку письменных работ и столько же на управляющие функции по поручению администрации.

Он не стал бы читать книги и изучать идеи, ради которых и получил академическое образование, пока в первую очередь не отработал бы эти 60 часов в неделю.

Вместо этого Дэн решил заняться бизнесом. Сейчас он проводит еженедельный подкаст, где исследует идеи из книг, которые прочитал, и использует их, чтобы помочь другим предпринимателям развивать свой бизнес.

В отличие от профессора, он не играет в политику, решая, что может или не может опубликовать. У него есть свобода изучения идей, которые ему интересны, и так, как он хочет, без оглядки на внутривузовскую политику.

Точно так же, как средний представитель среднего класса сегодня свободнее, чем Джон Д. Рокфеллер столетие назад, человек, считающий себя средним предпринимателем, более свободно творит философию, чем профессор философии, и оказывает большее влияние на этот процесс» (там же. С. 212–213).

Пирсон не задается вопросом о том, увеличится ли *общая* занятость (оставшийся наемный труд + самозанятость) при десятикратно выросшем предпринимательстве. Но, учитывая весь пафос книги, надо полагать, что вырастет. Во всяком случае, безработицу он не рассматривает как реальную проблему. Напротив, философы Срничек и Уильямс, симпатизирующие марксизму и использующие старый тезис об угрозе трудосберегающего научно-технического прогресса, приходят к выводам о неизбежности кризиса на рынке наемного труда:

«1. Прекаризация рабочего класса развитых экономик будет интенсифицироваться из-за того, что рабочая сила пополнится избыточным населением (благодаря как глобализации, так и автоматизации).

2. Восстановление экономики без рабочих мест будет углубляться и растягиваться, в первую очередь нанося ущерб тем, чьи профессии могут подвергнуться автоматизации...

...5. Превращение высшего образования в производственную подготовку будет ускорено в отчаянных попытках увеличить предложение высококвалифицированной рабочей силы.

6. Экономический рост останется медленным, что сделает маловероятным появление новых рабочих мест на замену ликвидируемых...» (Срничек, Уильямс, 2019. С. 151–152).

Статистика на этот счет весьма противоречива – с одной стороны, экономический рост и на самом деле медленный, с другой – при Трампе в США создаются новые рабочие места именно для наемного труда, а стареющее население Европы требует притока мигрантов. Но в этом отношении манифест Срничека и Уильяма рассчитан на длительную перспективу, текущие тренды их не очень интересуют. Они приводят в пример стратегию своих идеологических противников – неолиберальная повестка формировалась еще в 1940–1950-е гг., когда кейнсианство и «государство благосостояния» были в самом расцвете.

Предположим, что они правы, и «избыточное население» по Марксу будет увеличиваться. Какой выход они предлагают? Социалистическую революцию и переход к общественной собственности на средства производства?

«Левые XXI столетия должны поставить перед собой задачу лишить труд его первостепенного значения. В конечном итоге перед нами стоит выбор: воспевать труд и рабочий класс – или избавиться от обоих... ..подинно посткапиталистической позицией является вторая... ..для этого потребуются выполнить четыре базовых требования:

1. Полная автоматизация.
2. Сокращение рабочей недели.
3. Обеспечение базового дохода.
4. Сведение на нет трудовой этики.

...Это не обычная маргинальная реформа, а абсолютно новая гегемонная конструкция для борьбы с неолиберальной и *социал-демократической* (выделено мной. – П.О.) повесткой... Традиционный боевой клич левых, требующих полной занятости, должен смениться на боевой клич, требующий полной незанятости» (там же. С. 183–184).

Это, по-моему, действительно радикальный поворот левой утопии. Я бы определил его как своего рода попытку создания своеобразной «социальной страховки» для нового предпринимательского капитализма. Критики, которые обращают внимание преимущественно на финансовую невозможность введения Безусловного базового дохода (ББД), напрасно игнорируют долгосрочность продвигаемой повестки. При этом стоит учитывать еще и то, что сторонники ББД предполагают отмену массы мер социальной поддержки, объем которых в нынешних условиях весьма значителен.

Все это выгодно отличается от традиционной повестки левых. И учитывая наличие как сторонников «великой Буржуазной сделки» (Маккроски) справа, так и разочарованных «постдемократией» (Крауч) слева, такой подход выглядит весьма перспективным.

Отдельно стоит подчеркнуть четвертое требование: «сведение на нет трудовой этики». Это выглядит как отвратительный эпатаж как для российских коммунистов, с некоторых пор примыкающих к православной традиции, так и для российских либералов, вслед за Маккроски восхваляющих «буржуазные добродетели». Напротив, для представителей креативного класса, описанных Р. Флоридой, такое требование выглядит совершенно естественно. Например, «места, которые пользовались популярностью у геев, совпадали с местами размещения высокотехнологичных индустрий» (Флорида, 2011. С. 282). Вместе с изобретателем «гей-индекса» Г. Гейтсом, Флорида полагает, что «там, где общество принимает геев, другие категории людей также могут рассчитывать на терпимость. По выражению Гейтса, геев можно назвать “канарейками креативной эпохи”». Поэтому открытость по отношению к гомосексуалистам является хорошим показателем низких входных барьеров для человеческого капитала, которые так важны для поощрения креативности и роста высоких технологий» (там же. С. 283).

Как уже указывалось во вводных замечаниях, многие институты (и многие рынки) еще недавно казались фантастикой. Если признать весьма вероятными конец эпохи рабочих мест и переход к эпохе предпринимательства, то введение ББД и сведение на нет трудовой этики представляются почти неизбежными. Однако сторонникам традиции не стоит печалиться: в странах периферии и полупериферии трудовая этика и консервативные ценности будут торжествовать еще очень долго, возможно – всегда.

Легко увидеть, что реализация требования ББД приведет к обострению конфликта между странами с «предпринимательским» и «индустриальным» капитализмом, между гражданами богатых стран и мигрантами. Актуализируются идеи латиноамериканских структуралистов о неэквивалентном обмене между «центром» и «периферией». Но в настоящее время эти проблемы для «посткапиталистов» не актуальны, более того, они выступают «единым фронтом» с антиглобалистами.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ:
О НЕГАТИВНОМ СУВЕРЕНИТЕТЕ
(ПЕССИМИСТИЧЕСКАЯ ВНЕИСТОРИЧЕСКАЯ
ПЕРСПЕКТИВА)

По моему мнению, более вероятным сценарием для грядущих десятилетий XXI в. является пессимистическая версия посткапитализма. Она, впрочем, не отменяет и вариант введения ББД в отдельных богатых странах, но, что более важно, не завязана на фактор «конца рабочих мест». При этом то, о чем пишут Пирсон и другие авторы про грядущий расцвет предпринимательского капитализма, хорошо укладывается в рамки описания сетевого общества Болтански и Кьяпелло.

Основная проблема (если угодно — вызов) для левых состоит в другом. Кризис концепции государства благосостояния, характеристика которого представлена в первых главах доклада, будет только усугубляться. В условиях, когда фирмы превращаются в проекты и размываются границы транзакций, что в свою очередь приводит к затруднениям в определении перехода права собственности, часть привычных налоговых режимов будет становиться все менее актуальной. Новое общественное благо — коллективная безответственность — также будет препятствовать разграничению активов и обязательств. Поэтому привычный институт государства — корпорации, где есть менеджмент (исполнительная власть), акционеры (народ) и их представители (парламент), сталкиваясь со множеством трудностей, будет трансформироваться, и не всегда этот процесс будет успешен. Под критерием успеха в данном случае я понимаю способность государства выполнять принятые на себя обязательства — как перед народом (акционерными), так и перед дру-

гими государствами. XXI в. демонстрирует нам множество примеров государств, которые не могут обеспечить гражданам не только приемлемого уровня образования и здравоохранения, но и социального (включая пенсионное) обеспечения, и даже общественной безопасности. Можно называть их «несостоявшимися государствами» (failed state), но чаще всего это — страны, которые не смогли успешно пережить необходимую трансформацию.

Широко известна старая формула Ч. Тилли — «война породила государства, государства породили войну». Государства, которые не могли обеспечить выполнение своих обязательств, исчезали с политической карты мира. Как пишут Н. Силаев и И. Болгова, прежде «...европейские государства, которые не могли соответствовать возрастающим требованиям военной мощи и административной эффективности, прекращали свое существование, становясь добычей более сильных соседей. Афоризм о войнах, которые создают государства, подразумевает, что войны же их и уничтожают. После 1945 г. естественный отбор перестал работать.

Роберт Джексон описал эту проблему через понятие негативного суверенитета. По аналогии с негативной свободой Исайи Берлина негативный суверенитет предполагает свободу от внешнего вмешательства. Государство приобретает таковой в силу признания в качестве равноправного независимого члена международного сообщества. Позитивный суверенитет, в свою очередь, касается не формальных, а содержательных сторон государственности, и заключается в способности государств предоставлять политические блага своим гражданам. Государства, обладающие негативным, но не позитивным суверенитетом, Джексон обозначил как квазигосударства: признанные члены международного сообщества, неспособные выполнять ключевые государственные функции на своей собственной территории» (Силаев, Болгова, 2019. С. 137–138).

Ликвидация таких стран с негативным суверенитетом невозможна не только потому, что со стороны международного сообщества могут последовать различные санкции, влекущие неприемлемые издержки для государства с позитивным суверенитетом. Проблема еще и в том, что признание бывших граждан чужой страны частью своего народа влечет за собой резкое расширение соответствующих обязательств. Последнее — наряду с разрывом

прежних международных связей, военными конфликтами и прочим — с большой вероятностью может привести к социальным потрясениям. Государство, поглотившее другое, само может обанкротиться и пополнить список стран, обладающих негативным суверенитетом.

Большое количество государств с негативным суверенитетом появилось после распада колониальной системы. Новое ускорение этому процессу придал распад как СССР, так и СФРЮ. «Арабская весна» также породила аналогичные новые государства.

По моему мнению, в ближайшие десятилетия можно ожидать как увеличения количества государств с негативным суверенитетом, так и повышения удельного веса населения, проживающего на их территориях. В этом направлении действуют как внешнеэкономические (торговля и инвестиции богатых стран приносят большие выгоды в случае взаимодействия с государствами с негативным суверенитетом), так и внутривнутриполитические и внутриэкономические факторы. Дефицит общественных благ и неравенство в их распределении способствуют росту протестных настроений, а попытка возвращения к кейнсианским рецептам — только замедлению экономического роста и увеличению дефицитного финансирования. Если использовать классификацию И. Валлерстайна, то перед странами периферии и полупериферии не стоит проблема перехода к ББД или даже более скромных социальных реформ. Вполне в соответствии с Вашингтонским консенсусом им необходимо сдерживать инфляцию, не допуская дефицита бюджета, а заодно проводить трудные структурные реформы.

Учитывая существующие размеры мировой задолженности, необходимо отметить, что риски потери позитивного суверенитета и невозможности исполнения своих обязанностей по производству — распределению общественных благ присущи и богатым странам (недаром социалистическая идея становится все более популярной у западной молодежи). Утрата суверенитета, в свою очередь, всегда связана с революцией и войной.

Охарактеризованные выше пессимистические перспективы представляются внеисторическими, так как предполагают социальный регресс. Последнее противоречит всем модернистским представлениям, доминирующим в современном политико-эконо-

мическом дискурсе. Использование последнего предполагает связь между «историческими условиями» (уровнем развития техники и образования, сложившимися институтами) и появлением новых социальных феноменов. Другими словами, историческим условиям должны соответствовать определенные события, они задают определенный «интервал вероятностей» для тех или иных исходов.

Напротив, социальный регресс, похоже, не требует никаких особых «исторических условий», кроме, пожалуй, тех, которые вроде бы гарантируют необратимость прогресса (таких, например, как невозможность ликвидации государств). Такие исторические условия действуют как «институциональный храповик». С одной стороны, они закрепляют достижения прогресса, с другой — делают современные государства намного более хрупкими. Поэтому, на мой взгляд, сегодня нельзя сказать, где более вероятна финансовая катастрофа и невозможность государства выполнять свои обязательства — в относительно бедной или в богатой стране. И даже, казалось бы, верный признак хорошего финансового состояния страны — наличие специальных резервов и фондов — может не спасти от распада социального порядка, если институциональная трансформация государства затягивается на десятки лет.

Впрочем, нельзя не заметить, что концепция социального регресса и перехода к негативному суверенитету не выдерживает проверки критерием фальсификации по Попперу. Как таковая она является идеологической, поэтому экономисты вполне могут ее игнорировать без ущерба для своих институциональных или макроэкономических моделей.

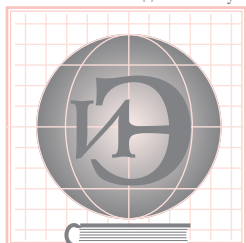
ЛИТЕРАТУРА

- Ананьин О., Хаиткулов Р., Щербаков Д. (2010). Вашингтонский консенсус: пейзаж после битвы // Мировая экономика и международные отношения. № 12. С. 15–27.
- Аткинсон Э. (2018). Неравенство: как с ним быть? М.: ИД «Дело» РАНХиГС.
- Бессонова О.Э. (2006). Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации. М.: РОССПЭН.
- Бодрийяр Ж. (2003). К критике политической экономии знака. М.: Библион – Русская книга.
- Болтански Л., Кьяпелло Э. (2011). Новый дух капитализма. М.: Новое литературное обозрение.
- Болыч Н. (2019). Размышления о неравенстве. Анти-Руссо. М.: ИД ВШЭ.
- Гэлбрейт Дж.К. (2004). Новое индустриальное общество. М.: АСТ; СПб.: Транзиткнига.
- Джеффрис С. (2018). Гранд-отель «Бездна». Биография Франкфуртской школы. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Де Фрей М. (2019). История макроэкономики: от Кейнса к Лукасу и до современности. М.: ИД «Дело» РАНХиГС.
- Кастельс М. (2000). Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ.
- Кордонский С.Г. (2007). Ресурсное государство. М.: REGNUM.
- Крауч К. (2010). Постдемократия. М.: ИД ГУ-ВШЭ.
- Крауч К. (2012). Странная не-смерть неолитерализма. М.: ИД «Дело» РАНХиГС.
- Крауч К. (2016). Как сделать капитализм приемлемым для общества. М.: ИД ВШЭ.
- Кругман П. (2004). Великая ложь. Сбиваясь с пути на рубеже нового века. М.: АСТ.
- Кругман П. (2009). Кредо либерала. М.: Европа.
- Ленин В.И. (1967–1975). Полн. собр. соч. Т. 34. М.: Госполитиздат. С. 151–199.
- Макклоски Д. (2016). Измеренный, безмерный, преувеличенный и безосновательный пессимизм (О книге «Капитал в XXI веке» Томаса Пикетти) // Экономическая политика. Т. 11. №4. С. 153–195.
- Мертон Р. (2006). Самоосуществление пророчества / Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: Хранитель. С. 605–626.

- Мэддисон А. (2012). Контуры мировой экономики в 1–2030 гг. Очерки по макроэкономической истории. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Наим М. (2016). Конец власти. От залов заседаний до полей сражений, от церкви до государства. Почему управлять сегодня нужно иначе. М.: АСТ.
- Нисбет Р. (2011). Прогресс: история идеи. М.: ИРИСЭН: Мысль.
- Нуреев Р.М. (2018). Очерки по теории марксизма (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса). М.: КНОРУС.
- Нуреев Р.М., Латов Ю.В. (2016). Экономическая история России (опыт институционального анализа). М.: КНОРУС.
- Олсон М. (2013). Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция и социальный склероз. М.: Новое издательство.
- Ореховский П.А. (2020) Левая утопия в XXI веке // *Общественные науки и современность*. №2. С. 162–175.
- Пикетти Т. (2016). Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Пирсон Т. (2019). Конец работы. Куда исчезнут офисы и как подготовиться к изменениям. М.: Эксмо.
- Плискевич Н.М. (2008). Система «власть — собственность» в современной России // *Вопросы экономики*. №5. С. 119–126.
- Поппер К. (1992). Открытое общество и его враги. В 2 т. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива».
- Рубинштейн А.Я. (2018). Теория опекаемых благ: учебник. СПб.: Алетея.
- Саррацин Т. (2013). Германия: самоликвидация. М.: АСТ.
- Саррацин Т. (2015). Европе не нужен евро. М.: АСТ.
- Силаев Н.Ю., Болгова И.В. (2019). Напрасные войны: работает ли модель Тилли на постсоветском пространстве? // *Сравнительная политика*. № 4. С. 133–154.
- Срничек Н., Уильямс А. (2019). Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. М.: Strelka-Press.
- Стедмен-Джоунз Д. (2017). Рождение неолиберальной политики: от Хайека и Фридмена до Рейгана и Тэтчер. М.: Социум; Челябинск: Мысль.
- Стиглиц Дж. (2011). Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. М.: Эксмо.
- Стиглиц Дж. (2016). Великое разделение. Неравенство в обществе, или Что делать оставшимся 99% населения? М.: Эксмо.

- Стэндинг Г. (2014). Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Сэмюэлс У. (2015). «Истина» и «дискурс» в социальном конструировании реальности / Истоки: качественные сдвиги в экономической реальности и экономической науке / Редкол.: В.С. Автономов (гл. ред.), О.И. Ананьин (зам. гл. ред.), Д.В. Мельник (отв. секр.) и др. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. С. 13–30.
- Уинтер Г. (2019). Вопросы права и экономики. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Флорида Р. (2011). Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: ИД Классика XXI.
- Хайек Ф.А. фон. (1992). Дорога к рабству. М.: Экономика.
- Хобсбаум Э. (2017). Разломанное время. Культура и общество в двадцатом веке. М.: АСТ: CORPUS.
- Шумпетер Й. (2012). Наука и идеология / Философия экономики. Антология / Под ред. Д. Хаусмана. М.: Изд-во Института Гайдара. С. 247–264.
- Яременко Ю.В. (1981). Структурные изменения в социалистической экономике. М.: Мысль.
- Berle A., Means G. (1967). The Modern Corporation and Private Property. 2nd ed. New York: Harcourt, Brace and World.
- Wittfogel K.A. (1957). Oriental despotism: a comparative study of total power. New Haven, London: Yale University Press.

Российская академия наук

Институт экономики

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

Сайт: www.inecon.ru

Научный доклад

П.А. Ореховский

Социализм и левая утопия в XXI веке
(К. Крауч, Т. Пикетти, Н. Срничек, А. Уильямс и др.)

Оригинал-макет – *Валериус В.Е.*

Редактор – *Ерзнкян М.Д.*

Компьютерная верстка – *Хацко Н.А.*

Подписано в печать 27.08.2020 г.

Заказ № 18. Тираж 300. Объем 2,5 уч. изд. л.

Отпечатано в ИЭ РАН